

Ольга ШОРИНА

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ТЕТРАДКА С КОРАБЛИКОМ

Серия "Обрушенная жизнь", четвёртый дневник

Ольга Евгеньевна Шорина
Тетрадка с корабликом
Серия «Разноцветные
тетрадки», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48620388

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08566-4

Аннотация

Наконец-то "четвёртый дневник" раскроет тайны всех предшествующих тетрадей! Впрочем, их можно читать в любом порядке! Это книга о России конца 90-х, разрухе не столько в коммунальной, экономической и экологической сфере, но и в наших душах и головах, что гораздо страшнее. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Запись на обложке	6
31 мая 1998, воскресенье	7
1 июня 1998, понедельник	9
2 июня 1998, вторник	10
3 июня 1998, среда	11
4 июня 1998, четверг	13
6 июня 1998, суббота	14
7 июня 1998, воскресенье	15
8 июня 1998, понедельник	17
9 июня 1998, вторник	18
11 июня 1998, четверг	19
14 июня 1998, воскресенье	20
15 июня 1998, понедельник	21
16 июня 1998, вторник	24
18 июня 1998, четверг	25
22 июня 1998, понедельник	26
29 июня 1998, понедельник	27
2 июля 1998, четверг	30
3 июля 1998, пятница	33
5 июля 1998, воскресенье	41
6 июля 1998, понедельник	42
7 июля 1998, вторник	43
8 июля 1998, среда	44

9 июля 1998, четверг	50
10 июля 1998, пятница	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ольга Шорина

Тетрадка с корабликом

Когда одиночество выжжет дотла...

Юрий Шевчук,

«Предчувствие гражданской войны».

Запись на обложке

Пока меня не было дома, на каждом лестничном марше нашего подъезда сделали пандусы.

И вдруг вверх по ступеням с грохотом помчалась электричка, ещё та, старая, с красными полосами на зелёной «морде», а не синей, как теперь. Она ехала прямо на меня, преследовала, и я еле смогла закрыть дверь, чтобы она не ворвалась в квартиру, запоздало поняв, что никакие это не пандусы для инвалидов, а самые настоящие железнодорожные рельсы.

И проснулась.

31 мая 1998, воскресенье

Раньше я любила русский рок, а теперь собираю песни на «необычных языках». Глупо, наверное, так характеризовать всё то, что не англоязычное, но это так Летова выразилась.

Жемчужина моего паноптикума – Мария Фарандури (я сначала думала, что – Форонтури, но правильно именно так). Одна её минорная песня переводится с новогреческого так:

Ветер разносит листья по парку...

Так теряю я друзей своих.

Что-то вроде японского хокку. Нет, я знаю, что это – трёхстишие, а не двустишие!

Я всегда хотела иметь много друзей, но со мной никто не хотел дружить, потому что я – толстая, и со мною – стыдно. Потом я возненавидела всё и всех, и сама захотела быть одна.

А сейчас я перебираю в памяти детей, с которыми встречалась в детстве. Вася со Свердловки... Его мать, мамина сослуживица, умерла в 1990 ни то от менингита, ни то от рака мозга. Другой Вася, из микрорайона... У него была сестра Оля, но с Васей я находила язык лучше. Никогда не забуду, как сидели в его комнате, и он показывал мне свои рисунки.

Отношения между нашими родителями разорвались довольно давно. Но как-то мне приснился сон, что их мать, Ве-

ра, учит нас рисованию (вряд ли она, бухгалтер на химзаводе, в этом ас). Я проснулась, поняла, что ничего этого нет, и такая тоска навалилась, хоть волком вой!

Вот у Летовой, у неё очень много знакомых, потому что мать заставляла её ходить на английский и музыку. У Бурундуковой – тоже, но она поменяла много школ. Ирочке же никто не нужен, у неё сонм родственников.

Я никуда не пошла учиться, потому что когда мне ещё было четырнадцать, мама безапелляционно заявила, что ей надоело меня кормить, и я просто обязана содержать семью. А так, если бы я обучалась, у меня появилось бы какое-нибудь «окружение».

Рассказала Летовой по двух Вась.

– Может быть, мне их разыскать?

– Аль, а какой смысл? Ведь вы ещё до школы общались! У них сейчас – своё!

Так что же мне предпринять? Я схожу с ума от одиночества!

1 июня 1998, понедельник

Мне совершенно дико от того образа жизни, что я веду, но я не знаю, что мне делать.

Сегодня в пять вечера приходила Летова, просила карандаш. Она не сдала черчение, спецпредмет «Архитектурная графика». Она, как и её мать, жадная, даже карандаш себе не может купить.

А мне выть хочется!

Мама говорит заискивающе:

– Поступай в колледж. Всё равно делать нечего.

В эту помойку! Да надо мною все смеяться станут!

2 июня 1998, вторник

В последние два года я хотела стать режиссёром или радиоведущей. Нет, не молотить языком всякую чушь в FM-диапазоне, а делать серьёзные, интересные передачи!

Я всегда была одинока, как старая бабка, поэтому для меня радио на СВ – это всё! В подростковом возрасте ведущие радиопередач становились мне и друзьями, и членами семьи.

Но у нас запрещено летать.

Заметки на полях 20 лет спустя

Я помню массовый психоз в марте 1995 года, когда застрелили Владислава Листьева. В честь такой «трагедии» даже наша районная газета организовала спецвыпуск! Знаменитый очкарик на передовице вальяжно, а точнее, вульгарно, развалился на полу. Разбитной чувак!

Перепечатали высказывания разных известных, а ныне наверняка забытых евреев. И кто-то сказал: «Влад, он же был очень красив, но преступников это не остановило!»

Красив?! Очкарик-шарик!

Он же, или другой заявил: «Скольким людям Влад скрашивал одиночество!»

Политической передачей-однодневкой!

Хотя... мне же давали иллюзию общения музыкально-развлекательный канал «Четыре четверти» и радио «Ракурс». Так что, может быть, зря я так?

3 июня 1998, среда

Ездила к Римме в Правду, но дома её не застала. В Мытищах, нашем железнодорожном узле, откуда можно катиться на все четыре стороны (Александров, Фрязино, Фрязево, Красноармейск, была ещё ветка на Пирогово, но её разобрали), пока я стояла в очереди в киоск с горелыми булками, ко мне подошёл долговязый подросток, и нагло, развязно, сказал:

– Тётяшка, а вы мне никакой еды не купите?

– ...! – это сказала уже я.

Это у меня так мама с отчимом общается, когда он ей, пьяный, покоя не даёт: «Вить, ... от меня! Вить, ... от неё!»

Мне – восемнадцать лет! Какая я «тётяшка»?!!

Побирушка не стал огрызаться, а как полагается нищему, всё воспринял безропотно.

– Дяденька, а вы мне никакой еды не купите? – пристал он ещё к кому-то.

И я не слышала, чтобы мужчина его куда-то послал.

А может, просто проигнорировал.

Заметки на полях 20 лет спустя

В 1991 году маме на работе посоветовали подписаться на «Московский комсомолец». Её корреспонденты любили напяливать на себя тяжёлые личины: беременных женщин, больных СПИДом, желающих поработать проституткой... А

один из репортёров решил притвориться нищим. «Рабочие в редакции обсыпали меня опилками, волосы и борода – свои. «Ох, морду тебе набьют и ничего не подадут!»

... Красивые девушки проходят мимо. И тут появился кавказец. «Дэръжы, собака!» И швырнул мне...одну копейку!» Хотел догнать и набить морду, но вспомнил: «Нищий всё должен переносить безропотно».

В общем, наколядовал он «пятнарик». «На эти деньги мы решили купить большой арбуз и отнести его в ближайший детдом».

4 июня 1998, четверг

Первый сон.

Римма сидела в комнате и плакала:

– Умер! Ну и что! Не судьба! Буду одна жить!

Второй сон.

Я в Мытищах. Меня хотят арестовать люди в штатском.

– Да это же не ты!

– А это какой дом?

– 19-й.

6 июня 1998, суббота

Я и не заметила, как подобралось лето. Хочу пойти на улицу, но без скандала, верно, ничего не получится: мама хочет, чтобы я вышла только в юбке, потому что очень жарко, а я в этих хламидах ходить не могу!

7 июня 1998, воскресенье

Наша районная газета «Время», бывшая «За коммунизм!», выходит три раза в неделю: вторник, четверг и субботу. И я штудирую её, хочу найти там адрес какого-нибудь клуба по интересам. И нашла же! Вчера на последней странице, в правом верхнем углу: «Щёлковское отделение Всероссийского общества охраны природы (ВООП) приглашает жителей района стать его членами. Адрес: г. Щёлково, ул. Коммунистическая, д. 29. Часы приёма: понедельник, четверг 11.00 – 13.00, 14.00 – 18.00. Начальник штаба общественной инспекции В. Д. Полипова».

Как же я разволновалась!

Что ж, природу я люблю и очень за неё переживаю.

Но только где она, эта улица Коммунистическая? И я спросила у мамы, которая всегда бесится, когда я интересуюсь, что и где: «Будешь везде лазить, будешь везде ездить!!!»

– Между исполкомом и загсом! – даже почему-то обрадовалась мама. – Вся улица – один дом!

– Это они специально один дом оставили, – тоже ласково пошутил отчим. – А то вдруг коммунисты к власти придут, а тут уже и улица Коммунистическая есть!

– Там раньше школа шестая была, – сказала бабушка.

– Да, бабка, в школе у нас говорили: «Я – с Речной, я – с Трудовой». Там, где сейчас «Аврора», были деревянные до-

ма; помню, поставили нас с Витькой Астафьевым в пару, а он мне говорит: «Лин, вон мой дом». А там были магазины, и грушечный магазин. Потом их стали потихоньку сносить.

Заметки на полях 20 лет спустя

Тогда в наших краях почему-то не было моих сверстников, одни бабки (поколение 20-х годов). Нас тоже много родилось, только никого почему-то не было.

Нас город считался бесперспективным, и оставаться в нём – запаadlo. Вот все и подались, кто в Москву, кто в Королёв, кто в Ногинск. Везде хорошо, где нас нет.

Кто остался – тот лох. А образовавшиеся пустоты забили до отказа чурки, хохлы, молдаване, да депрессивные российские регионы.

8 июня 1998, понедельник

Ходила сегодня в это Общество охраны природы.

В середине июня всегда ужасно жарко! Липкий воздух можно просто резать ножом, как холодец! Помню, в 1996, на День независимости, у меня даже лицо от жары и влажности воспалилось и болело, и я протирала его борным спиртом.

Вот он, домик из грязно-розовых брёвен. Огромная выцветшая, зелёно-розовая вывеска «Мособлтур», аккуратная изумрудная табличка с золотыми буквами «Щёлковский районный экологический центр».

Тёмный, прекрасно прохладный коридор. Нужная мне дверь у самого туалета, где компьютерная распечатка с часами приёма. «Председатель ВООП – Лепёхина Галина Георгиевна».

Только сегодня часы приёма – с 11.00 до 13.00. И я развернулась и пошла домой. А то обложат, что мама не горюй.

9 июня 1998, вторник

Отчиму дали вчера на работе два торта «Птичье молоко». Их изготовили в ТОО «Хрусталь», что на бывшем 31 заводе Гражданской Авиации. Очень вкусных, но, разумеется, просроченных. И мама заметила по бокам крошечную серо-зелёную плесень, да как начнёт орать и репрессировать!

– А ты знаешь, какое может быть страшное отравление?!!

Очень жалко отчима, он ведь от души!

11 июня 1998, четверг

А сегодня мама мне скандал устроила.

– Вот ты у нас работать хочешь! – орала она. – Пошлют тебя на медкомиссию, заплатим денежки... А ты их не заслужила!

– А я пойду лишь туда, где сразу приходишь и работаешь.

14 июня 1998, воскресенье

Из-за жары всю ночь не могла уснуть, а под утро, кажется, сморило.

15 июня 1998, понедельник

Я посетила наш ВООП! Я всё гадала, что меня там ждёт. Наверное, старая гримза, которая сразу станет хамить и тыкать.

Но я не угадала. Там сидела молодая, необычная женщина лет двадцати шести – тридцати.

Я постучалась в приоткрытую дверь.

– Войдите!

Здесь был казённый интерьер, как во всех учреждениях и конторах советского типа. Крошечное оконце забрано завитушками и финтифлюшками решётки. Коричневые феноло-формальдегидные стены, по вертикали простроченные узенькими деревянными реечками, как в фильме «Следствие ведут знатоки».

У входа – шифоньер, в углу – буфетный шкаф с откидной крышкой-баром. У окна – рухлядевый стол с древней электрической пишущей машинкой «Ятрань». И два жёлтых стола, составленных буквой «Т».

Мне навстречу встала молодая женщина в сливочно-жёлтом деловом костюме с короткой юбкой. Стрижка под мальчика, толстое, некрасивое лицо.

– Вы к кому-то пришли? Садитесь, пожалуйста! – и я опустилась на «стул для посетителей» между дверью и машинкой. И удивилась: разве здесь к кому-то можно прийти?

– Да я вот по объявлению...

И тут женщина затараторила, и остановить её было нельзя. Чувствовалось, что она грамотна, начитана, но говорила с таким ужасным украинским акцентом, видимо, долго переводя в уме слова.

– ...наши дети – что мы им оставим? У меня есть ребёнок! Сколько же можно сбрасывать мусор в эту несчастную Клязьму, – пойди и выбрось свою пивную банку, куда следует! Я – начальник общественной инспекции Полипова Валентина! Я работаю здесь бесплатно. Не в обиду будет сказано этой женщине, нашему председателю, – и Полипова кивнула на стол у окна, – но она не справляется со своими обязанностями и совершенно развалила организацию. Скоро в Москве будет конференция, где её переизберут. Всё решит конференция. Вы тоже поедете на конференцию...

Мои внутренности просто ледяной ужас сковал: как это – работать бесплатно?! Но, в то же время возникло чувство глубокого уважения к её мужеству.

Полипова заполнила на меня карточку общественного инспектора.

– Но я не могу работать у вас бесплатно. Мне родители не разрешат...

– Ой, да вам и не нужно здесь сидеть. Вот вы – гуляете. Гуляйте и записывайте, где свалки, по какому адресу кучи мусора, что там рядом. А списки, ваши донесения, приносите сюда, уже мы будем работать. Вы, поскольку вам есть

восемнадцать лет, тоже имеете право подписать протокол и получить свои премиальные от штрафа, – вы скрепляете это право своей подписью! Может быть, здесь вы найдёте себя! И спасибо вам за то, что вы решились прийти сюда!

А сегодня ужасно жарко. В моей маленькой комнате на полу у кладовки стоит горшок с разросшимся «щучьим хвостом». Под ним лежал наш серый кот Маркиз. Когда я пришла, отчим сказал мне с ненавистью:

– Вот ты оставила его без воды, а он лежит под цветком и стонет!

16 июня 1998, вторник

Мне совершенно незачем специально искать свалки, – я составила целый список по памяти. И хотя эта неадекватная, экзальтированная женщина пообещала мне денег, я совсем не верю, что здесь можно что-то заработать, – раз уж начальница инспекции ничего не получает! Просто я до того одинока, что рада абсолютно любому общению, любому делу.

18 июня 1998, четверг

Приёмный день, но в камерке у туалета никого нет, дверь заперта.

22 июня 1998, понедельник

Сегодня я познакомилась с председателем, – Галиной Георгиевной Лепёхиной, темноволосой женщиной лет пятидесяти, похожей на галку. Так её и звали Галка!

В мой реестр свалок, листочек из тетрадки в клеточку, они сцепились, вырывая из рук. Дрались за деньги от штрафов?

– «Куча мусора у Пенсионного фонда...» «Куча мусора на станции Загорянская и Валентиновская...» – оглашала список Валентина.

– Так это же частный сектор! – простонала председатель. – Вот придёт наш Сафронов, пусть и разбирается!

– Когда вы готовы приступить к работе? – спросила Полипова. – Тридцать процентов заинтересованности. Зайдите в понедельник.

Она разговаривает на тяжёлом, вывороченном языке.

29 июня 1998, понедельник

Но сегодня Валентина исчезла, – она предупреждала, что собирается к матери в Житомир. Я застала лишь «учёную галку» да бугая лет сорока шести, по-бабьи пузатого и толстозадого, в седом каракуле вьющихся волос, с красным, обветренным и загорелым лицом. Он говорил об открытии экологического видео-клуба, строительстве детской площадки.

– Ребята будут заняты, а то они в подвалах наркотики нюхают.

– Это Аля, Алина, – нежно представила меня Лепёхина.

– А я – Михаил Викторович! – радостно сообщил пузан своим роскошным баритоном, добрым-предобрым. – Экологический рейд с нами совершить не хотите?

– А это надолго?

– Часа на три-два.

– Нет, я не могу.

Мама не разрешала мне никуда ходить, «только на работу». Сейчас их самих отправили в двухмесячный отпуск. Вот и сегодня она отпустила меня лишь на полчаса. Какой тут «рейд»?

Наверняка это и есть тот самый Сафронов, о котором говорили бабы. Одет вызывающе скромно, даже бедно, в джинсы и старую рубашку, а на жирной талии – тяжёлая связка ключей и толстая чёрная записная книжка с застёжками.

Михаил Викторович спросил, чем я занимаюсь. Я пожаловалась, что ещё весной потеряла работу. Стажа всего два месяца.

– А почему вы так мало работали? – тупо спросила Лепёхина. – Молоденькие ещё, что ли?

– С неприятностями не надо бороться, их надо использовать, – авторитетно и жёстко сказал Михаил Викторович. – Вот человеку было трудно ходить по снегу, и он изобрёл лыжи. А у вас нет знакомых юношей и девушек, которые в таком же, как вы, положении?

– Нет.

– А то что-то не идут к нам люди... Анекдот знаете? Председатель колхоза выступает на отчётном собрании: «У меня для вас две новости, хорошая и плохая. С какой начать?» – «Ну, давай с плохой». «У нас корма кончаются». – «А хорошая?» – «Дерьма у нас много».

И я вежливо рассмеялась.

– Вот так и нашему ВООПу мусор поможет заработать большие деньги! А эта девушка, начальник общественной инспекции, сейчас уехала на всё лето. Видите ли, у неё ребёнок пошёл в школу, и теперь ей нужно будет его провожать и встречать, заниматься с ним. Она не будет успевать.

– Да она меня замучила! – застонала председатель. – Обучала её всему, обучала, а теперь она не может!

Я рассмотрела её повнимательнее. Некрасивое, глуповатое лицо, маленькие, поросычьи глазки, словно щёлочки, за-

полненные чёрной тушью, короткие, тонкие бровки, как у пластмассовой куклы. Длинные тёмные волосы свёрнуты в жгут и заколоты шпильками. Старая женщина с длинными волосами всегда жалка. Недаром англичанки говорят: «Чем старше мы становимся, тем короче мы стрижемся». Одета Лепёхина в красненькое платье до земли, сшитое на руках, и такой же синенький жакетик.

Михаил Викторович записал мне свой домашний телефон.

– Зайдите к нам в четверг.

2 июля 1998, четверг

И я зашла, не зная, зачем. Просто подумала, что такой пузатый, солидный мужчина просто так приглашать не станет.

Михаила Викторовича не было, но председатель, Галина Георгиевна, приняла меня, уже как свою. Всучила кучу экологических документов для изучения.

И я впряглась. Так, оказывается, срубил дерево – посади два! А по берегам водоёмов нельзя устраивать выгон для скота! Районный экологический фонд обязан перечислять деньги на содержание и развитие Общества охраны природы...

В каморку заглянула рыженькая девочка, моя ровесница.
– Ирка, давай плати годовой взнос! – развязно потребовала Лепёхина.

– Нет, Галька, не могу: нам зарплату ещё не давали! Что будешь делать на выходные?

Приучали нас, приучали спрашивать: «Куда поедешь на уик-энд?», да так ничего и не вышло!

– Да хочу поехать с Димкой куда-нибудь вглубь района: надо нафотографировать и сделать выставку, какая у нас всё-таки красивая природа!

– Да, только комары там заедят, – злобно прошипела эта Ира.

После неё пришёл пожилой мужчина с седыми волосами, Евгений Хлопунов. Он был председателем какого-то КСУ –

Комитета самоуправления. Он подобострастно называл Лепёхину на «вы», а она его – на «ты». Но он мне очень понравился. Знаете, что-то такое родное...

Но вот, наконец-то, пришёл и сам Михаил Викторович.

– Денег на нашем расчётном счету пока ещё нет, – сообщил он, – но скоро они будут, и очень много! И чтобы скорее всё заработало, необходимо, чтобы в нашем офисе каждый вечер с десяти до шести вечера сидел человек, – *пока бесплатно*, – иначе у Галины Георгиевны отнимут эту комнату. Вы не готовы помочь?

Как же мне плохо дома с вечно ноющей матерью! «Ты почему так рано встала? А почему ты так часто ходишь в туалет, что ты там делаешь? А почему ты за почку держишься?» И я решила, что ВООП – это конь во спасение из моего ада. И я понадеялась, что всё обойдётся, и не случится никакой беды.

– Хорошо, если я скажу дома, что нашла работу...

– Это ещё не работа! – грубо оборвал меня Михаил Викторович. – Придёшь завтра, в полдесятого! – И, спохватившись, добавил испуганно: – Не очень рано?

Мы вышли все втроём.

– А что там, у «Авроры», народ толпится? – удивилась Галина Георгиевна. – Опять пикет, потому что нет горячей воды?

– Нет, там что-то развлекательное, – сказал Михаил Викторович.

Я же полетела домой, как на крыльях:

– Мама, я нашла работу! На площади!!!

– И какой у тебя оклад?

– Не знаю...

3 июля 1998, пятница

Взяла дневник с собой.

Я ложусь очень поздно, в два часа ночи. Я слушала радио «Надежда» и мечтала. Виктор Зозулин читал в записи рассказ Виктории Токаревой «Без последствий», – пошлятина! (Но для радио его ещё почистили, полный текст ещё хуже). А моя любимая ведущая, Марина Скалкина, сказала своим густым альтом: «Но я уверена, что ещё долго этот мужчина будет помнить эту женщину!»

Галина Георгиевна дала мне отксеренный, без скрепок, «Устав общественной организации (ВООП)», (оригинал издан в 1996 году) – как Ленину «только на одну ночь». Но я его без интереса пролистала. Зато мама впилась взглядом!

Со мною ещё никто и никогда не разговаривал столь любезно, как этот Михаил Викторович!

На авантюру с ВООП я согласилась, чтобы спастись от матери. Я не хочу верить, что будет плохо, что будет беда. Зарплату-то сейчас многим сразу не платят. Я думаю несколько месяцев поврать, что её задерживают, ну а потом уже всё изменится.

Я не могла заснуть и боялась проспать.

Когда я пришла, Михаил Викторович уже сидел за столом за распахнутой крышкой своего дипломата, как новые русские – за ноутбуком. Потолки здесь высоченные. Горел свет,

так как в каморке всегда темно, – солнце загораживает районная администрация, которую мы по старинке зовём «исполкомом».

– Привет, девушка! – крикнул он мне из-за крышки «ноутбука». – Присаживайся!

А тут как раз пришёл вчерашний Евгений Хлопунов, плюхнулся на стул, сунул руку во внутренний карман поношенной серой ветровки и сказал:

– Телефон.

– Твой? – деловито спросил Михаил Викторович и распахнул свой органайзер.

И я сразу вспомнила Ипполита Матвеевича Воробьянинова, когда тот служил в загсе города N: «И тоже записаны в толстые книги».

– Нет, соседей сверху. Тамара и Анатолий. Оставить информацию для Евгения.

– Давай! Познакомься, эта девушка, Алина, наш новый секретарь.

А когда посетитель ушёл:

– Это – Женя, Евгений, отчества не знаю, он – председатель КСУ Солнечного микрорайона.

И мне стало сладко, что меня, как равную, вводят в курс дела.

– Смотри, девушка! Сейчас у нашего ВООПа денег нет, но ты уж мне поверь, они – *будут!* Иначе я не стал бы этим заниматься! Для начала есть четыре вида заработка. Те же

штрафы за мусор. Мы, ВООП, имеем право составить протокол, а штрафует райкомприроды. Вот наши Галина Георгиевна с Валентиной этой весной оштрафовали рынок и получили по двести рублей! Это мало, конечно, но кто-то за эти деньги месяц работает, а тут тебе – за раз! И таких протоколов будет очень и очень много! Но можно и договориться с нарушителем: хорошо, мы не будем вас позорить, составляя протокол, но тогда давайте на расчётный счёт ВООПа добровольный взнос! А добровольный взнос, ха-ха, предприятие может направить хоть голодающим в Африку! Но, Аль, если человек никогда не убирался, то он и после штрафа убираться не станет. И мы тогда скажем: ВООП всегда вам поможет, только заплатите! Укомплектуем бригады по сбору мусора... А ещё поставим здесь шкафчик с разнообразной юридической литературой. Конечно, чтобы торговать книгами, нужна лицензия, кассовый аппарат, а ВООП будет продавать за «добровольные взносы»!.. Какое у тебя образование? – очень жёстко спросил он.

– Среднее. А что, для бесплатной работы два высших надо?

– Образование может быть абсолютно любое. Люди с высшим образованием, бывает, тоже ничего не делают. Телефона здесь у нас, как видишь, нет, но скоро у всех нас будут сотовые! Напротив нас – Совет ветеранов, Общество книголюбов, Общество охраны памятников, турбюро, Экологический фонд и Управление экологии. В принципе, они все раз-

решают нам от них звонить. Дома я, конечно, не всегда бываю, но ты можешь скинуть мне информацию на пейджер. Слышала о таком?

Пейджеры все новые русские носили на поясе, и мой новый начальник снял его со своей жирной бабьей талии.

– Вот смотри, сейчас у меня здесь прогноз погоды. Я за него двести рублей в месяц плачу. А дома у меня – автоответчик. Никто не знает, что это такое, пугаются, и начинают с ним разговаривать!

Он считает, что я живу в глухой тайге, как отшельница Агафья Лыкова, и не знаю, что такое автоответчик и пейджер!!!

– У нас ещё будет такое престижное предприятие, что очень многие захотят у нас работать, только я ещё не каждого возьму, а в первую очередь – тебя, согласившуюся работать бесплатно! Я даю тебе возможность сделать себе рабочее место, а это не везде можно – сделать себе рабочее место. Сидеть здесь безвылазно за бесплатно я тебя, конечно, не могу заставить, поэтому я никогда не буду против, если тебе надо выйти и что-то купить.

«А на какие шиши, если мне ничего здесь не платят?» – подумала я.

– Только если будешь уходить, – продолжал инструктаж Михаил Викторович, – обязательно оставляй записку: буду тогда-то тогда-то. Вот тебе ещё экологические книжки для автомобилистов, предложишь их посетителям по пять руб-

лей!

А это дорого!

– От входной двери у нас ключа нет, замок там захлопывается. Если вечером увидишь, что дверь закрыли, не пугайся, он открывается изнутри. А я пошёл добывать деньги для нашей организации! Не скучай. Ну, ни пуха.

Он ушёл, а я осталась одна. Господи Боже мой, мне доверили ключи и целую организацию!

Михаил Викторович оставил мне для записи посетителей «десть» белой бумаги, прошив в уголке степлером. Я всегда любила всяческую канцелярию, и мама приносила мне со своей работы контрольные, санитарные и бракеражные журналы. Я взяла на работу контрольный, – с болотными страницами, в белой картонной обложке. Там как раз было три столбца, а начальник велел всех приходящих нумеровать, записывать фамилию, должность, организацию и цель визита.

Вскоре пришёл первый посетитель, высокий мужчина в синем.

– Дормидонтов Вадим Юрьевич. Передайте Галине Георгиевне, что во вторник в шесть вечера будет собрание в КСУ «Заречный».

– Игоревич? – не расслышала я.

– Нет, Вадим Юрьевич.

– Но, это ведь одно и то же! – зачем-то заспорила я.

– Да, но хотелось бы, чтобы было точнее.

Разумеется, что я просмотрела все бумаги. Под крышкой

моего стола был один широкий ящик, где я нашла сброшюрованные документы о перепланировке квартиры Полиповой Валентины Дмитриевны. А в платяном шкафу стояла коробка из-под обуви, где лежал пухлый файл, набитый «карточками общественных инспекторов».

Подошло время обеда, о чём я накарябала записку. Когда я прилепляла её к двери на скотч, ко мне подплыл огромным животом вперёд, – как барон Апельсин из «Чиполлино», только без слуги с тележкой, – какой-то ветеран из однопенного совета.

– Что вы тут вешаете? – прогудел он. – А, вы здесь работаете! Очень хорошо!

А мама дома в нехорошей эйфории:

– Сегодня Льва Рохлина убили! Жёну его показывали, – невменяемая, вся трясётся!

И перевела разговор на нашу жизнь:

– Представляешь, как же тебе повезло! Я когда это объявление прочитала, то сразу подумала: «Вот бы тебе такую работу!» Слушай, а там был их расчётный счёт? Где эта газета?

– Вы же на ней селёдку почистили.

– Из тебя будут растить кадры! Вот у нас на работе Ольга Сытина, секретутка. Сама – малярша из Фрянова! Мы как-то дали объявление в газету, что требуется секретарь. Мне тоже предлагали, но я отказалась: вот ещё, кофе подносить! А пришла эта Сытина: «Я, говорит, сама малярша, но умею хорошо на машинке печатать, это у меня увлечение такое!

И так возвысилась! Сейчас она осталась в Управлении торговли. Я, когда ей звоню, то всё время говорю: «Мне – Сытину». – «Ой, что вы, как можно! Ольгу Аркадьевну!»

Заметки на полях 20 лет спустя

А год спустя Ольга Сытина погибла. Она вышла замуж за травматолога, с которым долго сожительствовала, и он разбил её на своей машине.

«А Матико Тацуи как раз в то время погибла: нарядная, в кимоно с длинными рукавами, села прокатиться в самолёте, – тогда это было ещё в новинку, – и разбилась над равниной Сусаки. Об этом много писали во всех газетах».

(Фумико Хаяси, «Поздние хризантемы»).

Я рассказала, что рядом действуют Совет ветеранов, Общество книголюбов и Охраны памятников.

– Ой, и все они финансируются из бюджета?! Надо же! Ты там можешь даже замуж выйти: увидит тебя какой-нибудь ветеран и скажет внуку: вот у нас на работе есть такая девочка скромная, не красится!

После обеда я прочла красную брошюрку и узнала про экологические «электромобили», которые должны бы заменить двигатели внутреннего сгорания, весь этот тетраэтилсвинец и бензин. «Не губи первоцвет, побойся Бога!»

Ближе к вечеру приплыла Галина Георгиевна, тоже вся ка-

кая-то экзальтированная:

– Ой, Аля, Аля! И не скучно тебе здесь сидеть! Ты уже, наверное, все газеты здесь перечитала!

Я передала, что заходил Дормидонтов.

– Нет, во вторник я не могу! Ко мне приезжают родственники из Казахстана, они едут в Белоруссию, и я должна буду их проводить и встретить, посадить на поезд...

Я что-то для связки слов спросила про Дормидонтова, и Лепёхина подняла пальчик:

– У него – двое маленьких детей!

Да что это за сука такая озабоченная! По себе, что ли, судит?

– А ты не хочешь билет на футбол? – уже по-матерински предложила Лепёхина. – Недавно же стадион отделали. Там глава будет, вся администрация...

– Да нет, я спортом совсем не увлекаюсь.

Я просто не могла туда пойти. Мама скандал устроит.

Лепёхина же озабоченно полезла в буфет.

– Где-то у меня здесь бутерброды лежали... Вроде не испортились... На вот, покушай...

5 июля 1998, воскресенье

У нас в Щёлкове очень трудно купить газету «Завтра». Я беру её в синем полосатом шатре у речки, у чернявого пожилого мужика лет сорока пяти.

Иду по Пушкина обратно, а сзади меня – два пьянтоса: то ли отец с сыном, то ли просто друзья-собутыльники с большой разницей в возрасте.

– Красавица! – позвал меня пожилой.

– Да таких красавиц – ...! – матерно огрызнулся молодой.

– А ... – ничего!

А я вздумала навестить Янку Летову. Она очень любит, когда к ней приходят, но я не захожу из-за её матери.

Яна открыла и засияла!

– Кто ко мне пришёл! Моя милая подружка!

Я ужасно смутилась. Мне так никто никогда не радовался.

– Я нашла работу!!! – похвасталась я.

– Тебе мама помогла, да?

– Нет, я сама!!!

И я рассказала, как нас найти, и пригласила её к себе на работу.

6 июля 1998, понедельник

Сегодня вновь забегал Вадим Юрьевич, – узнать, благоволят ли Галина Георгиевна прийти на собрание КСУ. Я доложила про её родственников и записала его в журнал.

Заходил Хлопунов.

– Алинка, привет! Что, решила, значит, поработать на общественных началах?

– Я зимой в библиотеке работала в Щёлкове-7, но мне сказали, что я чужое место занимаю.

– Так у них там ещё и библиотека есть! Наверное, на квартире на какой-нибудь...

– Да я в школе работала. Просто библиотечная система и школьные библиотеки подцепила...

Работу я ненавидела. Я могла проработать там и до лета, но ушла из-за того, что у меня не было медицинской справки. В декабре нашу поликлинику разгромили и подожгли, и можно было тянуть и отнекиваться. Но не вечно.

А желающих на моё место и вправду было много...

– А тебя, значит, выгнали ради какой-то офицерской жены! Да, офицерская жена! Целый день вроде бы и дома, и в то же время на работе... Ладно, скажешь Галине Георгиевне, что заходил Евгений...

И я также записала его в журнал.

7 июля 1998, вторник

Ни председателя, ни зама ни вчера, ни сегодня не было.

А вдруг они вообще никогда сюда больше не придут?

Вспомнила! Михаил Викторович собирался к главе Загорянки!

Утром, когда я открывала нашу дверь, ко мне вдруг подлетел плешивый человечек с венчиком белых волос вокруг лысины. Длинные фалды серого пиджака делали его похожим на кузнечика.

– У них замок вечно заедает. Давайте я его вам отвёрткой открою!

И что-то там повернул, за что я его сердечно поблагодарила.

В экологическом фонде сегодня плясали до упаду. Торгаши принесли какой-то «бальзам», но «кузнечик» сказал:

– Извините, но мы сейчас смотреть ничего не будем: все празднуют.

Ещё предлагали фильтры для воды:

– Я знаю, что вода у вас здесь плохая, а станет водичка чистая, серебристая...

И я занесла координаты их фирмы в журнал как распространителей экологической продукции.

8 июля 1998, среда

А сегодня Яна пришла. Говорит:

– Главное, я захожу в первую попавшуюся дверь и спрашиваю: «А Алина здесь работает?» – «Это такая чёрненькая, с каре? Последняя дверь налево».

И мы пошли в библиотеку на Талсинской, где Яна года два не сдавала книги. Молодая унылая библиотекарша с неудачной стрижкой под Мирей Матье простонала:

– А что же нам сказали, что «здесь такая не проживает»? Вот в карточке написано: «Не проживает». Мы звоним и спрашиваем: «Адрес – такой?» – «Да, адрес этот, но здесь такая не проживает!!!» И ещё истеричным голосом таким, противно даже...

Яна повернулась ко мне, многозначительно вытаращив глаза. Её мать торговала на рынке и от всех пряталась. Меня она терпеть не могла, и моя мама Яну – тоже.

«Янка твоя мне не нравится», – всегда задумчиво говорила она.

А Яна чем-то больна. Я недавно зашла в её двор с утра, и мать на неё рычала: «Ты должна ходить на физиолечение! Я советовалась со специалистами!»

– Я с утра ходила на физиолечение и зашла к тебе, – поликлиника у нас в двух шагах от площади.

– А что у тебя?

Но Яна сделала вид, что не слышит. Так зачем тогда начинать разговор?

На обратном пути она зашла на рынок к матери. А там кипела своя жизнь. Двое мужчин ссорились с торговкой, кому идти на обед.

– А мы тебе в термосе принесём! – пообещал один.

А другой обернулся, и пожаловался уже мне:

– Вот пустоголовая!

Возле ларьков на мосту мы встретили двух тёлок, каких-то знакомых Яны с её кружков. Одна – с очень белой кожей и очень чёрными волосами.

– А мы в библиотеку ходили! – какого-то чёрта похвасталась Яна.

Девки, естественно, стали издеваться:

– В библиотеку?! В библиотеку!!!

Я молча ускорила шаг, и Яна догнала меня.

– Это две дуры, я их не люблю.

– Тогда зачем общаешься?

И мы вернулись в «экологический домик», как его прозвали в народе. Яна решила зайти в турбюро под видом туристки.

– Где вы хотите отдохнуть? – услышала я из-за двери подобострастный голос.

В «Мособлтуре» работали две противные старые тётки. Низенькая и толстенная Нина Филипповна, длинная и худая Лидия Федосеевна.

Во всех организациях, кроме нашей и Совета ветеранов, стояли железные двери. Напротив нас – Общество книголюбов и они, дальше – АТП – Административно-техническое предприятие, и АТИ – Административно-техническая инспекция, и у самого входа – Районный экологический фонд. Это по правую руку. А по левую – Управление экологии у самого входа, турбюро и мы за деревянной белой дверью. У Совета ветеранов и то створчатые, обитые потрёпанным дерматином чёрного цвета!

Яна выпорхнула из турагентства, и мы уселись на древних откидных стульях между Советом и АТП. К нам подошла старая полосатая кошка, уже на сносях.

– Ой, что с ней делать, что делать! – заплескала ручками уборщица в чёрной косынке, по-колхозному повязанной концами назад.

– Алька, представляешь, как классно! – Яна тоже была холериком, как и Михаил Викторович, а точнее, холериком-сангвиником. – Есть классный тур, пароход по Волге! Там будут всякие певцы! Вот бы поехать!

– Ты же давно не любишь поп-музыку, зачем тебе это? – удивилась я.

– Алька, как тебе повезло! Ты будешь защищать природу и получать за это деньги!

И я поёжилась и подумала: а может, всё обойдётся?

Опять заходил Хлопунов.

– Ну, Алинка, как жизнь?

– Да не очень...

– Что так плохо? Жизнь прекрасна и удивительна!

Я боюсь этой цитаты из Маяковского после фильма «Прикосновение»¹.

После обеда я уже сама пошла в библиотеку, только дру-
гую, центральную. Я хотела взять стихи Николая Рубцова.

А там работает очень противная, толстая баба, Надежда Владимировна, рот у которой никогда не закрывается. А ещё она хамит напрапалую, и очень плохо относится к своим служебным обязанностям.

– Не знаю, как ты выбирать будешь, – темно.

Это Чубайс обесточил «бюджет». Свет отключили и в род-
доме, и там, в кувезе умер недоношенный ребёнок.

– А я и не выбирать.

– Сдать?

– Да нет же, у меня – свободный формуляр. Я хотела взять
стихи Николая Рубцова.

– Рубцов у нас в подсобке, а там темно.

– Хорошо, я потом зайду.

– Да, Алиночка, – неожиданно подобрела Кручинина. – У
нас уже третий день, как нет света!

Этим летом началась разруха, – не было воды и света.
Но коммунальная буря обошла меня стороной. У нас газо-
вая колонка и горячая вода в любое время. А какая-то мо-

¹ Фильм ужасов режиссёра Альберта Мкртчяна (1992).

лодая женщина из высотного дома в микрорайоне «Заречный» жаловалась в газету, что два месяца нет воды, и не работает лифт (охотники за цветметом поснимали головки, и в микрорайоне не действовали тридцать «подъёмников»!), а ей приходится таскать на восьмой этаж коляску и греть воду для стирки пелёнок.

– А с электричками что сейчас творится! – стонала Кручина на своём абонементе.

На днях муниципалитет выдумал себе новый бизнес, – на запрете клеить объявления в неположенных местах. В 80-е годы у Старой почты на площади, у входа, где на втором этаже принимали и выдавали посылки-бандероли, была будка адресного бюро, где объявления принимали за плату. Тут же стоял «складень» на ножках, – три застеклённые доски с объявлениями. От него до сих пор дожила одна доска, куда ещё клеили!

И вот теперь администрация ввела штраф за несанкционированную расклейку: 286 тысяч неденоминированных рублей с физических лиц, и 486 тысяч с юридических. Поставили голубые грибки – новые доски. Владимир Лобанов, придворный корреспондент, агитку накатал:

«Случается порой, что нам надо срочно продать квартиру или автомобиль «газель». И мы, тщетно обегав всех знакомых, решаемся на крайний шаг, – повесить на столбе объявление. Вы только посмотрите, сколько их загрязняют наш город! Написанные от руки, напечатанные на машинке, и да-

же набранные на компьютере! Но теперь за это – большой штраф, размещать объявления можно только на симпатичных грибках. И ваш листочек никто не сорвёт и не унесёт ветром».

В общем, обработка мозга.

Впрочем, штрафовали не сразу, сначала звонили и предупреждали, – АТИ. А тем, кто не слушался, они ... «обрывали телефоны». Это я подслушала сегодня в коридоре.

Рядом с нашей комнатой стоял стол. И вот пришла женщина, торгующая вразнос чаем для похудания, поставив туда свой баул. К ней тут же стеклись изо всех комнат.

– А вы в эту комнату загляните, там один человек сидит, – ехидно, прекрасно зная, что нет денег, предложил насчёт ВООПа сегодняшней «кузнечик».

– Один человек – это неактуально! – отрубил торговка.

9 июля 1998, четверг

Сегодня объявилась Галина Георгиевна:

– Аля, что-то замок не действует? В нём никто не ковырялся?

У меня душа в пятки ушла, что меня сейчас выгонят, – сказать «уволить» не правильно, меня же не оформляли! Но я рассказала про вчерашнего серого «кузнечика» с отвёрткой.

– Так это же Сыроежкин Георгий Михайлович, директор экологического фонда! Заколебал уже, вредитель!

Меня председатель не ругала, и я подумала, какая же она добрая и хорошая.

– Где же у меня дома этот замок лежал? – задумалась она. – Надо Сафронову позвонить...

Поскольку в четверг у всех приёмный день, на месте была Ирина из ВООПИиК – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и Лепёхина пошла к ней. Я услышала, как она поет в трубку своим вечно стонущим голосом меланхолика:

– Дим, ты посмотри в тумбочке замок...

Сегодня к нам зашла Татьяна Николаевна Фридман, секретарь первичной организации ВООП на Загорянке. Точнее, она приехала в Совет ветеранов, где также является председателем первички, такая вот оказия.

Как я посмотрела в анкете, Фридман родилась в один год с моим дедом, ей тоже шестьдесят девять лет. Но – стройная еврейка с горбатым носом, крашеными, ухоженными и уложенными волосами, в летнем брючном костюмчике. Как ни странно, она обратила внимание на меня, малолетку:

– Я вижу, это новая сотрудница?

– Да, это наша Алина.

– Представляете, Галина Георгиевна, я вчера гуляла в нашем Загорянском парке и нашла там два белых!

– Что-о? – не расслышала Лепёхина. – Два пня?! Так это же надо... это же надо президиум собирать, общественность поднимать!

– Два белых гриба, Галина Георгиевна, а не два пня!

– А я в субботу ездила с моим Димкой за ягодами в Трубино, лес – пустой! Только Димку зря измучила...

Когда Фридман ушла в Совет ветеранов, я спросила:

– Она – еврейка?

– Ой, Аля, да как же ты догадалась про Татьяну Николаевну? Я и внимания не обращала, никогда не задумывалась.

Галина Георгиевна показала мне конвертик без картинки и заполненную анкету. Она хотела, чтобы её ВООП попал в интернет-каталог.

– Я дам тебе потом денег, и ты отошлешь его заказным письмом...

Я ушла на обед, и на обратном пути встретила Фридман, которая шла на электричку и сладко со мною попрощалась.

А Михаил Викторович уже вовсю колдовал над дверью.

– Привет, девушка! – зарокотал он. – Как настроение, самочувствие? Дома ещё не ворчат, что ты сюда ходишь? Ты сама-то веришь, что всё у нас получится?!!

– «Кто пашет, тот должен пахать с надеждой получить ожидаемое».

– Ух, ты, откуда это?

– Из Библии.

– Не получается пока с помещением для видео-клуба, – сказал он уже Лепёхиной, – и я вот что, Галина Георгиевна решил: да лучше мы, ВООП, сами свой экологический фильм снимем! И облетим весь район на вертолёте! Я договарюсь с ребятами с Чкаловского аэродрома.

– У нас есть видеокамера, только сейчас она сломалась, – похвалилась она.

– Дощечку бы какую в щёлочку забить... – озаботился Михаил Викторович, и принёс из туалета, приспособленного под склад ненужных вещей, деревянную линейку. – Ничего, мы им новую линейку купим, когда деньги будут!

– Я, наверное, отвлекла вас от дел?

– Что вы, Галина Георгиевна! Это же наш общий дом! Представляете, я сегодня с утра ходил на биржу труда оставить информацию, что в нашем ВООПе можно за раз очень хорошо заработать, составляя протоколы, так они на меня руками замахали: «Да что вы! Если мы узнаём, что у нашего контингента появился хоть малюсенький заработок, они тут

же теряют право на пособие! Они даже в тюрьму могут сесть за мошенничество!» Вот чудаки!

– Аль, а ты не хочешь на компьютере обучаться? – спросила лениво Лепёхина.

– А что, есть такая возможность?

– Компьютер, он далеко не каждому доступен! – авторитетно заявил Михаил Викторович.

Он что, тупой меня считает?

Сегодня что-то всё связано с Загорянкой. Председатель первички сюда приезжала, Михаил Викторович встретился с главой и обошёл весь посёлок.

– Красивейшее место, но гадят же там! Один парень мусор сжигал, а это же сразу штраф, а он говорит: «Да я бы рад в положенное место выбросить, да нет у нас ничего, не организовано!» А у нас теперь будут ставить кузова, потому что контейнеры воруют...

10 июля 1998, пятница

И вот уже неделя, как я здесь работаю. На улице жара, а здесь вечный сумрак. Я не жду от этого дня ничего хорошего, только тоску и скуку, как вдруг входит высокая тощая женщина в изношенном летнем платьишке и плоских старых босоножках.

– Вы – секретарь? Я – к Михаилу Викторовичу. Мне на бирже труда сказали, что у него за час можно очень хорошо заработать...

И тут, на моё счастье, пришло начальство.

– Михаил Викторович! – кинулась к нему женщина. – Помните, мы с вами встречались на бирже труда!

– Нет, к сожалению, совсем не помню.

– Мне дали этот адрес в трудоустройстве. Я работаю вахтёром в ПТУ № 42, сейчас охраняю там выставку мебели. Зарплату давно не выплачивают. Старшего сына комиссовали из армии. На работу нигде не берут. Сегодня с утра он пошёл в никуда, – искать работу, заходя во все конторы, которые только попадутся на пути. Есть у меня и младший сын – третьеклассник. Когда он просит у меня есть, я не знаю, как мне объяснить, что мне нечего ему дать. Ведь раньше мы не боялись потерять работу, мы знали, что нас всегда возьмут!

Говорит она визгливо, истерично, точь-в-точь, как наша несчастная физичка Инна Иосифовна.

– Да, действительно, раньше для всеобщей занятости создавались предприятия, выпускавшие... ну... не совсем нужную продукцию. А вчера в «Дорожном патруле» показали, как мужик из Тульской области в Измайловском лесопарке повесился: его карманы были битком набиты вырезками с объявлениями о работе!

Я ужасно боюсь ударить лицом в грязь, сделав что-то не так. И достаю для посетительницы чистую карточку общественного инспектора.

Итак, женщину зовут Андреева Наталья Георгиевна, ей сорок четыре года. Уже по указанию Лепёхиной она пишет заявление о принятии в ВООП. Нужно заплатить вступительный взнос, два рубля, но с неё, конечно, не берут. И я тоже не платила.

– «С Уставом ознакомлена и обязуюсь его выполнять», – диктует Галина Георгиевна.

Андреева недоумённо поднимает на неё глаза.

– Это – чистая формальность, – уверяет Лепёхина.

Она даёт женщине Устав, и та жадно прячет его в свой выдавший виды пакет.

– В Обществе охраны природы состоять очень выгодно. Мы можем, когда захотим, пойти на приём в администрацию! Ведь обычному человеку надо сначала записаться, а уж примут его или не примут, ещё не известно. А ВООП может прийти в любое время!

– Михаил Викторович! – плаксиво вскричала Лепёхина. –

В газете опубликовали бюджет района! И нашего ВООПа там нет!

Моя мама тоже тщательно его изучила, и спросила удивлённо: «А ВООПа там нет! Кто же вас содержит?»

Никто.

– Ничего, сами заработаем! Я сам в охране работаю, и уже год создаю предприятие. Наша Галина Георгиевна вынесла организацию на своих хрупких плечах!

– Да, по Уставу ВООП имеет право иметь предприятия. Вы почитайте дома его повнимательнее.

– Наша Галина Георгиевна этой весной оштрафовала рынок и получила двести рублей! Куда бы только пойти с рейдом? На Соколовку? Там полно предприятий, и все они гадают. Только знайте, девушки, что билетов вам никто не оплатит...

– Подумаешь, всего одна остановка, я туда всегда без билета ежу! – сказала Лепёхина.

– До часу всё равно поездов нет, «окно», – сообщила я.

– Тогда посмотрим, что в центре.

Михаилу Викторовичу надо было закинуть письма в администрацию. Он всё фонтанировал идеями. То строчил в Комитет по культуре, чтобы ВООПу передали афишные тумбы, – хотел зарабатывать на рекламе. Дома у него были компьютер, принтер и сканер, где они с сыном Серёжей изготавливали фирменные бланки для исходящей документации. С очень красивой эмблемой, головой лося.

На крыльце курили отцы города, и Андреева спросила шёпотом и подобострастно:

– Это – Габаян?!

– Нет.

Сын Габаяна, первого заместителя главы района, курировавшего промышленность и бизнес, Андрей, учился со мною в параллельном, экономическом классе, и был для наших училок маленьким божком.

Мы же с Натальей Георгиевной зашли в «Роспечать».

За прилавком стояла толстая, бесформенная баба, и гадко кокетничала с каким-то солидным господином, покупавшем зеркало:

– В Щёлкове, хи-хи, одни молодые пенсионеры! Потому что у нас – химзавод и много воинских частей, откуда все уходят на пенсию в сорок пять лет! Так что в Щёлкове – все молодые пенсионеры!

На Парковой к нам подошла женщина пенсионного возраста:

– Помогите...

– Нам самим бы кто помог! – загоготал Сафронов.

А с другой женщиной, маленькой интеллигентной старушкой в очках, он уважительно поздоровался и объяснил нам:

– Учительница моя, по химии.

В больничном городке он завёл нас в густые заросли сирени и белого шиповника позади клинической лаборатории,

в горы отбросов и раскисшей бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.